

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

КОНЦЕПТ СВОБОДНОГО ПЕРЕХОДА ЦИФРОВОГО ПРАВА (В РАКУРСЕ УЧЕТА ВОЛИ ОБЯЗАННОГО ЛИЦА)

Ю. С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34

Аннотация

Базовым постулатом гражданского оборота цифровых прав выступает правило, в силу которого их переход на основании сделки не подлежит согласованию с обязанным лицом (п. 3 ст. 141.1 ГК РФ). Однако толкование данного законоположения вызывает определенные затруднения в доктрине и на практике. Сверх того, критике порою подвергается и сама идея универсальности концепта свободной (в контексте индифферентности мнения должника или иного обязанного лица) циркуляции цифровых прав. Основной целью исследования является установление юридического значения указанного концепта, прежде всего в ракурсе (не)целесообразности придания ему безусловного характера. Для этого автор, применяя общенаучные (формально-логический и диалектический) и частнонаучные (юридико-догматический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм) методы, проводит комплексный анализ п. 3 ст. 141.1 ГК РФ (в сопряжении с иными законодательными предписаниями касательно перехода имущественных прав и функционирования информационных систем), а также изучает правила информационных систем, разработанные отдельными операторами. При этом в статье раскрываются общий смысл и ограничения сферы действия нормы п. 3 ст. 141.1 ГК РФ, обсуждается проблема (не)обоснованности ее квалификации как императивной. Автор указывает на ущербность дифференциации режимов перехода цифровых прав (в аспекте учета мнения обязанного лица), исходя из юридико-фактической основы (сделка или наступление предусмотренных законом обстоятельств). Подчеркивается, что исследуемая норма не блокирует необходимость получения согласия других, нежели обязанное по цифровому праву лицо, субъектов. Доказывается отсутствие бесспорных факторов для квалификации правила п. 3 ст. 141.1 ГК РФ как императивного (поскольку, в частности, возможность осуществления и распоряжения цифровыми правами сугубо в информационной системе без обращения к третьему лицу не детерминирует недопустимость введения разрешительного порядка). В работе признается наличие политико-правовых оснований для отказа от восприятия концепта свободного трансферта цифровых прав как безусловного. Соответственно, заявляется о принципиальной приемлемости децентрализованного регулирования вопросов согласования совершения сделки с обязанным лицом; при этом обосновывается вторичный характер локальной регламентации обращения цифровых прав в правилах информационной системы (ибо в конечном счете речь должна идти об определении его условий участниками договора).

Ключевые слова

обращение цифровых прав, переход цифрового права, обязанное лицо, должник, согласие на совершение сделки, императивная норма, диспозитивная норма, правила информационной системы, децентрализованное регулирование

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Поваров, Ю. С. (2025). Концепт свободного перехода цифрового права (в ракурсе учета воли обязанного лица). <i>Цифровое право</i> . https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-7

Поступила: 10.05.2025, принята в печать: 31.05.2025

REVIEW ARTICLES

THE CONCEPT OF FREE TRANSFER OF DIGITAL RIGHTS (FROM THE PERSPECTIVE OF THE OBLIGOR'S WILL)

Iurii S. Povarov

Samara National Research University
34, Moscow highway, Samara, Russia, 443086

Abstract

A basic postulate of the civil transfer and exchange of digital assets consists in the rule according to which their transfer on the basis of a transaction is not subject to agreement with the obligated party (Article 141.1(3) of the Civil Code of the Russian Federation). However, the interpretation of this legal provision gives rise to certain difficulties in both doctrine and practice. Moreover, the very idea of the universalism of the concept of free (in the context of the indifference of the opinion of the debtor or other obligated party) circulation of digital rights can be subject to criticism. The present study sets out to establish the legal significance of this concept in primary terms of the (in)expediency of giving it an unconditional character. For this purpose, a comprehensive analysis of the content of the norm of Article 141.1(3) of the Civil Code of the Russian Federation (in conjunction with other legislative provisions regarding the transfer of property rights and the functioning of information systems) is carried out on the basis of general scientific (formal and dialectical logic) and specific scientific (legal-dogmatic, comparative legal, interpretation of legal norms) methods along with the rules of information systems developed by individual operators. The presented analysis of the general meaning and limitations of the scope of the norm of Article 141.1(3) of the Civil Code of the Russian Federation reveals the critical problem of the (un)reasonableness of its qualification. The inadequacy of the differentiation of the modes of transfer of digital rights (in terms of taking into account the opinion of the obligated person) based on the legal and factual basis (transaction or occurrence of circumstances provided for by law) consists in the impossibility of demonstrating

that the norm under study cannot abrogate the need to obtain the consent of subjects other than the person obligated under the digital right. The absence of indisputable factors for qualifying the rule as imperative is demonstrated in terms of the exercise and disposal of digital rights solely in the information system without recourse to a third party and not determining the inadmissibility of introducing a permit-based procedure. Since the existence of political and legal grounds for refusing to perceive the concept of free transfer of digital rights as unconditional must be acknowledged, the fundamental acceptability of decentralized regulation of issues of coordinating the conclusion of a transaction with an obligated party is confirmed. The secondary nature of local regulation of the conditions for the circulation of digital rights in the rules of the information system is substantiated in terms of necessity for such conditions to be determined by the parties to the agreement).

Keywords

circulation of digital rights, transfer of digital rights, obligated party, debtor, consent to transaction, imperative norm, dispositive norm, rules of an information system, decentralized regulation

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The study has no sponsorship.

For citation

Povarov, I. S. (2025). The concept of free transition of digital rights (from the perspective of the obligor's will). *Digital Law Journal*. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-7>

Submitted: 10 May 2025, accepted: 31 May 2025

Введение

Корневая особенность обращения цифровых прав, получившая прямое отражение в п. 3 ст. 141.1 ГК РФ¹ при установлении рамочного юридического режима названных неординарных объектов, состоит в том, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия обязанного лица. Специальное законодательство, посвященное отдельным цифровым правам (Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ² (далее — Закон об инвестплатформах) и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ³ (далее — Закон о ЦФА)), материально-правовой составляющей оборота цифровых прав почти не касается, оставляя за скобками, среди прочего, рассматриваемый в настоящей работе узкий аспект.

Между тем толкование п. 3 ст. 141.1 ГК РФ (в том числе в срезе границ его применения предметного и субъектного толка, а равно оценки данной нормы, притом что она не содержит запрета на какую-либо корректировку, в качестве императивной или, напротив, диспозитивной) вызывает определенные интерпретационные сложности; под сомнение порою ставится и практическая целесообразность непоколебимости концепта свободной циркуляции цифровых прав.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³ Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

Сфера действия п. 3 ст. 141.1 ГК РФ: общие замечания

Область приложения исследуемого концепта довольно обширна: в частности, п. 3 ст. 141.1 ГК РФ подлежит применению **безотносительно к природе оцифрованных прав** (обязательственная либо иная). Тем не менее она не является безграничной, причем ее сужение производится законодателем через фиксацию следующих ключевых положений.

Во-первых, речь идет о **смене обладателя** цифрового права **на основании сделки**. Конечно, данному постулату тоже присуща масштабность, так как **набор** соответствующих **сделок никоим образом не ограничивается** (они могут быть возмездными и безвозмездными, иметь различную каузу и т. п.).

Отметим, что квалификация некоторых актов как сделок, влекущих именно *переход* права (для целей применения п. 3 ст. 141.1 ГК РФ), к сожалению, является неоднозначной. Это, например, относится к договору залога, заключение которого само по себе, естественно, не вызывает указанного юридического эффекта; вместе с тем в силу п. 1 ст. 358.2 ГК РФ для залога права законом или соглашением между правообладателем и его должником может вводиться требование о согласовании с должником, тогда как для перехода цифрового права данная опция не проговаривается. Поэтому вовлечение залоговых сделок в сферу действия п. 3 ст. 141.1 ГК РФ становится возможным только при его расширительной трактовке (но лучшим способом преодоления туманности, разумеется, будет соответствующая корректировка законодательства; в любом случае ввиду рассогласованности регулирования схематика отчуждения и передачи в залог цифрового права выглядит неубедительно).

Кроме того, абсолютно очевидно, что переход цифрового права может происходить и **по иным основаниям**, например в результате универсального правопреемства при наследовании по закону. При буквальном истолковании нормы в таких случаях **необходимость согласования** с обязанным лицом трансферта цифрового права априорно **не исключается** (и во внимание следует принимать специальные требования законодательства). Однако подобное дифференцированное регулирование, исходя из юридико-фактической основы перехода прав, причем с облегчением режима для случая совершения сделки (а не переноса права на другое лицо в силу закона при наступлении предусмотренных им обстоятельств), кажется несколько странным.

Парадоксальность означенного дуализма подходов выглядит особенно рельефно при возможной квалификации наследования цифровых прав по завещанию либо наследственному договору как разновидности перехода объекта во исполнение *сделки* (правомерность совершения сделок *mortis causa* по поводу цифровых прав особых сомнений не вызывает (Zhanabilova, 2023, pp. 39–42)). Формальные резоны для подобной трактовки имеются (в частности, п. 3 ст. 141.1 ГК РФ изучаемый концепт распространяет на *переход* объекта, а не на сугубо его *передачу*), и при следовании ей преемство в цифровых правах может различаться в зависимости от основания наследования, что едва ли органично и рационально.

Во-вторых, субъектом, чье мнение индифферентно, объявляется **лицо, обязанное по цифровому праву**.

Сразу уместно оговориться, что **законодатель отказался от использования термина «должник»**. Это, судя по всему, объясняется прежде всего тем, что цифровыми могут признаваться, помимо обязательственных, *иные* права (например, корпоративные); должником же принято именовать не всякое обязанное лицо, а участника именно обязательно-правовой связи.

На этом фоне не вполне точными кажутся рассуждения О. А. Полежаева о том, что «по смыслу п. 3 ст. 141.1 ГК РФ для существования цифрового права необходимо существование *должника* [здесь и далее курсив в цитатах наш. — Ю. П.] и кредитора...» (что, в свою очередь, сигнализирует «об *обязательственно-правовой* природе цифрового права») (Polezhaev, 2023)⁴, так как цифровые права, повторимся, не замыкаются на чисто обязательственные правомочия (и, соответственно, обязанное лицо не всегда может быть идентифицировано в качестве «должника» в традиционном понимании этого слова). В том числе по аналогичным мотивам не можем в полной мере поддержать и вывод Д. А. Нигматзяновой о том, что «российский правопорядок придал цифровым правам *обязательственный* характер, так как всегда должно существовать *обязанное лицо*» (Nigmatzyanova, 2024, р. 101); небызупречность этого заключения, помимо прочего, обуславливается тем, что обязанное лицо наличествует в любом правоотношении, а не только в обязательственном.

Необходимость запроса согласия иных, нежели обязанный по цифровому праву, **субъектов п. 3 ст. 141.1 ГК РФ не отрицает** (т. е. блокирование действия режимов согласования является избирательным, точечным). Поэтому, скажем, распоряжение цифровым правом, принадлежащим несовершеннолетнему гражданину в возрасте от 14 до 18 лет, может нуждаться в одобрении законных представителей (ст. 26 ГК РФ); не отвергается действие режима согласования совершения сделок другими участниками общей совместной собственности (ст. 253 ГК РФ) или залогодержателем (п. 2 ст. 346 ГК РФ), и т. д. В целом такой подход вполне обоснован: цифровизация инфраструктуры оборота прав не должна приводить к умалению фундаментальных условий совершения гражданско-правовых сделок.

Нет полной ясности по поводу (не)обоснованности рассмотрения в качестве обязанного по цифровому праву субъекта (для целей задействия изучаемого концепта) третьего лица, предоставившего обеспечение исполнения обязательств, удостоверенных цифровыми финансовыми активами (п. 10 ч. 1 ст. 3 Закона о ЦФА), например залогодателя, поручителя или гаранта⁵. В оптике охраны интересов обладателя цифрового права и достижения единообразия алгоритмов взаимодействия этого субъекта с иными акторами предпочтительна экстраполяция п. 3 ст. 141.1 ГК РФ и на указанных лиц (но сто́ит признать, что данный вывод из закона явным образом не следует).

Смысл и юридическое значение концепта свободного перехода цифровых прав

Итак, пункт 3 ст. 141.1 ГК РФ закрепляет принцип свободного (в плане необязательности учета мнения обязанного лица) совершения сделок, опосредующих переход цифровых прав. Это, разумеется, **усиливает оборотоспособность (ликвидность)** данных **объектов**, повышает их рыночную привлекательность.

Правда, распорядительные акты могут совершаться лишь в конкретной информационной системе (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), и такая «герметичность» нередко воспринимается как повод для оценки цифровых прав в качестве *ограниченно оборотоспособных* объектов. Из этой установки, например, исходит А. С. Мограбян: «...анализ ст. 141.1 ГК РФ, — констатирует

⁴ Правда, отождествление обязанного лица и должника в контексте применения п. 3 ст. 141.1 ГК РФ довольно распространено (Zakirov & Shavaliyeva, 2021, р. 36).

⁵ Этот вопрос актуален, поскольку, в частности, законодательство иногда устанавливает разрешительный порядок для перехода прав кредитора по обеспечительному обязательству, например, передача бенефициаром права требования к гаранту допускается по общему правилу лишь с согласия гаранта (см. п. 2 ст. 372 ГК РФ).

автор, — позволяет утверждать о законодательном ограничении в оборотоспособности цифровых прав» (Mograbyan, 2022, p. 144); с этим соглашаются Н. В. Перепёлкина и П. Е. Перепёлкин, подчеркивая (причем со ссылкой на ст. 129 ГК РФ), что императивы касемо допустимости реализации цифровых прав и распоряжения ими «исключительно в пределах... технологической инфраструктуры» информационной системы позволяют отнести цифровые права к «объектам... с ограниченной оборотоспособностью...» (Perepyolkina & Perepyolkin, 2025, p. 117). Впрочем, приведенная интерпретация оправдана при сверхшироком понимании ограниченной оборотоспособности объектов (а законодатель дает к тому основания: в п. 2 ст. 129 ГК РФ в ныне действующей редакции список возможных ограничений, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой ситуации, является открытым). В любом случае важно, что рестриктивные указания п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, имеющие преимущественно организационно-технический характер, сами по себе не ограничивают оборотоспособность цифровых прав в субъектном плане (т. е. в ракурсе принадлежности объекта только определенным участникам оборота) либо с точки зрения контроля за совершением сделок (когда легитимное совершение сделок с объектом может предполагать получение специального разрешения)⁶.

Логично предположить, что сквозь призму анализируемого концепта (по крайней мере при его восприятии как безусловного и *императивного*):

- а) **нейтрализуется действие** соответствующих **положений о согласовании совершения сделки** (при этом в ситуации, когда разрешительный порядок установлен **законом**, речь идет об отсутствии необходимости запроса согласия третьего лица на совершение сделки в смысле ст. 157.1 ГК РФ);
- б) **блокируется возможность введения режима согласования** в порядке децентрализованной регламентации (прежде всего **договором**).

Тем самым обязанный субъект, по инициативе которого право «возникает непосредственно в цифровой среде, в привязке к электронному маркеру», как точно подмечает Л. А. Новоселова, «*заведомо соглашается* с тем, что право переходит по правилам информационной системы», не нуждаясь в его одобрительном волеизъявлении (Novoselova et al., 2019, p. 33).

В поле зрения законодателя, кстати, не попал момент (не)допустимости установления договорного запрета на вторичное обращение цифровых прав. Думается, что подход здесь должен быть в целом идентичным: уж если переход цифровых прав освобожден даже от санкционирования, ветирование трансферта тем более нелогично; кроме того, иное истолкование явно расходилось бы с общим посылом законодателя, стремящегося придать цифровым правам качество вполне оборотоспособного объекта⁷.

Переноса данные умозаключения на циркулирующие в качестве цифровых **обязательственные права** (а таковыми являются все утилитарные цифровые права, ч. 1 ст. 8 Закона об инвестплатформах) и многие цифровые финансовые активы, в том числе оцифрованные денежные требования (ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА), позволительно утверждать о **купировании** прежде всего **вытекающей из п. 2 ст. 382 ГК РФ возможности установления режима санкционирования должником перехода кредиторских прав законом** (напомним, что ГК РФ закрепляет разрешительный порядок для уступки требования по обязательству, в котором личность кредитора

⁶ Статья 129 ГК РФ в прежней редакции, как известно, рассматривала названные два критерия как *исчерпывающие* для квалификации объекта как ограниченно оборотоспособного.

⁷ «В отношении цифровых прав, — небезосновательно пишет А. Б. Жанабилова, — законодатель... указывает на их оборотоспособность... как конституирующий признак...» (Zhanabilova, 2023, p. 41).

имеет существенное значение для должника (см. п. 2 ст. 388)⁸, и права на получение неденежного исполнения в ситуации, когда цессия приводит к тому, что исполнение обязательства становится значительно более обременительным для должника (п. 4 ст. 388)), **а равно договором** (например, при уступке права на получение неденежного исполнения согласно п. 4 ст. 388 ГК РФ).

Между тем в науке присутствует мнение о сохранении силы правил о согласовании с должником перехода прав кредитора по причине их специального характера. Так, А. В. Концевой полагает, что «по отношению к нормам п. 2, 3, 4 ст. 382 ГК РФ норма п. 3 ст. 141.1 ГК РФ является *общей*, следовательно... отсутствие согласия должника при переходе цифровых прав по криптовалютному обязательству... порождает... последствия, предусмотренные в п. 3 и 4 ст. 382 ГК РФ» (Kontsevoy, 2020, p. 16).

Приведенная аргументация видится не до конца убедительной: *в приложении к предмету сделки, вызывающей переход кредиторских прав, **правило п. 3 ст. 141.1 ГК РФ**, наоборот, **оправданно определить как специальное*** (ведь речь ведется о переходе не любых обязательственных прав, а исключительно цифровых). Помимо прочего, в условиях приуроченности конструкции цифровых прав в первую очередь к правам обязательственной природы устранение какого-либо влияния обсуждаемой нормы на применение стандартных предписаний о перемене лиц в обязательстве в значительной степени обесценивало бы ее значение. Другое дело, что пункт 3 ст. 141.1 ГК РФ регламентирует конкретный аспект механизма замены обладателя цифрового права (отсутствие необходимости в прохождении согласительной процедуры), а потому применение положений о перемене лиц в обязательстве, напрямую не касающихся обозначенного момента (в том числе п. 3 и 4 ст. 382 ГК РФ), отвергать сразу, конечно, нельзя.

Следовательно, стержневое «положение о перемене лиц в обязательстве, — в целом верно заявляют С. В. Одинцов и Э. Ю. Миронов, — при распоряжении цифровым правом устанавливается п. 3 ст. 141.1 ГК...» (Odintsov & Mironov, 2020)⁹.

Крайне важно иметь в виду, что вывод о *приоритете* обсуждаемой нормы в сравнении с правилами о перемене лиц в обязательстве (их своеобразном вытеснении и поглощении) органичен при **отказе цифровым правам в статусе автономного объекта**, соседствующего с обязательственными и иными имущественными правами и сущностно однопорядкового им (так как при ином раскладе вопрос о (не)применении положений об обязательствах к обороту цифровых прав переводился бы в плоскость проблематики (не)обоснованности использования приема аналогии закона либо (не)целесообразности соответствующего отсылочного регулирования¹⁰). И законодатель, думается, дает весомые поводы для такой интерпретации: прежде всего она явно коррелирует с легальной дефиницией цифровых прав в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, из которой усматривается стремление «интегрировать [цифровые права. — Ю. П.]... в систему гражданских прав, не создавая... принципиально новой... категории, оторванной от... существующих» (Dakhayeva, 2025, p. 177). Показательна в данном контексте

⁸ Но актуальность данного правила для цифровой среды невысока: выпуск права подобного рода в информационной системе маловероятен.

⁹ Хотя, напомним, роль нормы этим не ограничивается, поскольку цифровые права могут быть не только обязательственными.

¹⁰ Примечательна в этом измерении отсылка к нормам о переходе прав кредитора в п. 4 ст. 146 ГК РФ, посвященном передаче прав (в том числе обязательственных!) по именной *документарной* ценной бумаге; неизбыточность отсылки в немалой степени предопределяется тем, что документарная ценная бумага вообще считается *вещью*, а не имущественным правом.

и существенная трансформация законодательной трактовки бездокументарных ценных бумаг (конструкт которых, ставший, по точной ремарке А. В. Габова, «прообразом для создания цифрового права» (Novoselova et al., 2019, p. 34), очень близок к его модели¹¹), состоявшаяся одновременно с внедрением в ГК РФ общих указаний о цифровых правах: бездокументарные ценные бумаги, определяемые, как и цифровые права, в качестве обязательственных и иных прав¹² (п. 1 ст. 142 ГК РФ), более не признаются объектами, отличными от имущественных прав. Теперь речь идет не об их размежевании внутри группы объектов, обнимаемых понятием «иное имущество», а о включении бездокументарных ценных бумаг наряду с цифровыми правами в круг имущественных прав, которые, в свою очередь, относятся к другому, нежели вещи, имуществу.

Сообразно сказанному «цифровая трансформация имущественных прав, — авторитетно указывает Л. Ю. Василевская, — не означает возникновения нового... права», нужно говорить «о цифровом кодировании... имущественных прав, об их цифровом способе фиксации» (Vasilevskaya, 2020, p. 114)¹³; при этом данная установка, думается, сама по себе не препятствует отнесению цифровых прав к объектам гражданских прав¹⁴ (ведь имущественные права, в том числе в цифровой оболочке, таковыми являются, а обособление внутри них цифровых прав позволяет раскрыть специфику последних).

Другое дело, что оцифровка приводит к кардинальной модификации режимов соответствующих имущественных прав как объектов: их «специфика, — резонно подчеркивает Е. В. Вавилин, — заключается в цифровой форме... осуществления, но... не ограничивается исключительно формой» (Vavilin, 2024, p. 115); «...особенности осуществления цифровых прав, — справедливо констатирует А. А. Волос, — настолько необычны... что вряд ли можно их характерные черты сводить только к вопросам фиксации» (Volos, 2024b, p. 17) (т. е. цифровая форма существования права во многом детерминирует его содержательные параметры).

Но насколько обоснованно предложенное законодателем решение, особенно с учетом его универсальности, и адекватна ли оценка нормы п. 3 ст. 141.1 ГК РФ как императивной: что принципиально для (не)признания законным инициативно вводимого сценария оборота обязательственных прав в «цифровой обертке» с ведома должника?¹⁵

¹¹ Сходство явно обнаруживается, вследствие чего констатация названного обстоятельства общепотребительна в литературе, см., напр.: Agibalova (2020, p. 92), Markina (2022, pp. 38–39).

¹² Речь, однако, не идет о любых имущественных правах: квалификация последних в качестве ценных бумаг, равно как и в качестве цифровых прав, производится исходя из принципа легалитета; нетождественным при этом оказывается круг источников, способных причислить права к указанным объектам (только закон — для цифровых прав (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), закон или иной акт, принятый в соответствии с законом, — для ценных бумаг (п. 2 ст. 142 ГК РФ)).

¹³ Означенный подход снискал немалую поддержку в науке (Muratova & Druzhinin, 2023, pp. 31–37); впрочем, полемика на сей счет далека от завершения.

¹⁴ «...цифровые объекты можно включать в перечень объектов гражданских прав в тех правопорядках, где теория объектности имеет значение» (Shipikova, 2024, p. 67), а российский — из их числа.

Но в науке высказываются и иные суждения: так, по мнению Е. Н. Агибаловой, цифровые права вообще не стоит относить к объектам (Agibalova, 2020, p. 95).

¹⁵ Обсуждая применение законоположения в плоскости его сопоставления с п. 2 ст. 382 ГК РФ, И. Шенгелия справедливо отмечает, что «если суды признают норму [п. 3 ст. 141.1 ГК РФ. — Ю. П.] императивной, владелец ЦФА сможет оспорить решение о выпуске, ограничивающее оборот ЦФА на вторичном рынке» (Shengeliya, 2024).

Вопросы квалификации предписания п. 3 ст. 141.1 ГК РФ как императивного или диспозитивного

Пункт 3 ст. 141.1 ГК РФ не предусматривает возможность установления каких-либо изъятий при его применении, причем не только в децентрализованном порядке, но и в нормативно-правовых актах (ср. с п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, где четко заявляется о допустимости введения законом исключений). Тем не менее она лишена категоричности, поскольку правило сформулировано **без явного запрета на пересмотр**. В этой связи и с учетом разъяснений высших судебных инстанций касаясь критериев квалификации нормы как императивной или диспозитивной¹⁶ нельзя говорить о предустановленной императивности обсуждаемого положения.

Но, может быть, императивность вытекает из **существа и целей законодательного регулирования** отношений в области оборота цифровых прав (который соединяет два взаимосвязанных элемента: технический и правовой, что «существенно отражается на механизме взаимодействия... субъектов...» (Zaytsev, 2025, р. 96))? В данном измерении знаковым оказывается вопрос о характере **сопряжения** исследуемой нормы **с базовым предписанием, в силу которого осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения цифровыми правами возможны сугубо в информационной системе без обращения к третьему лицу** (второе предложение п. 1 ст. 141.1 ГК РФ).

Гипотетически в п. 3 ст. 141.1 ГК РФ можно увидеть конкретное **проявление** означенной общей установки (притом что под третьим лицом, упоминаемым в п. 1 ст. 141.1, тогда будет мыслиться и обязанное по цифровому праву лицо). В этом ключе рассуждает З. И. Дахаева: присущий цифровым правам признак, в соответствии с которым их «осуществление и распоряжение [происходят. — Ю. П.] в информационной системе без обращения к *третьему лицу*...», «указывает на... возможность самостоятельной реализации прав... *без необходимости взаимодействия с посредником или обязанной стороной*...», что «характерно для децентрализованных систем» (Dakhayeva, 2025, р. 178).

Действительно, цифровое «бытие» имущественных прав, наряду с прочим, знаменует существенное упрощение их оборота: так, «операции с ЦФА могут быть выполнены практически мгновенно и без лишних бюрократических процедур», что «не только экономит время, но и уменьшает транзакционные издержки...» (Sarayeva, 2025, р. 644). Вместе с тем правило п. 1 ст. 141.1 ГК РФ очевидно сконструировано как **антипод** положения о распоряжении и ограничении распоряжения бездокументарными ценными бумагами (о родстве которых с цифровыми правами мы уже писали): в силу п. 3 ст. 149 ГК РФ операции с названными объектами производятся не иначе как посредством **обращения к лицу, осуществляющему учет прав на бездокументарные ценные бумаги**, для внесения соответствующих записей, тогда как пункт 1 ст. 141.1 ГК РФ, «привязав» цифровые права к информационной системе, напротив, фиксирует отсутствие потребности в обращении к третьему лицу. Соответственно, осуществление и обращение цифровых прав просто **не предполагают внешнего юридического сопровождения**, т. е. обладатель цифрового права контактирует не с субъектом, выполняющим функции регистратора, а, фигурально выражаясь, напрямую с информационной системой (именно к этому, пожалуй, в основном и сводится целеполагание императива второго предложения

¹⁶ См.: п. 1–4 Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16. Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

п. 1 ст. 141.1 ГК РФ¹⁷). Но и этот тезис не стоит понимать превратно, например в смысле отрицания наличия какой-либо системы учета: возникновение, переход, обременение и прекращение цифровых прав все равно требуют внесения соответствующей информации (записи) в информационную систему, причем такому внесению, как правило, придается правоустанавливающее значение¹⁸ (ч. 7 ст. 8 Закона об инвестплатформах, ч. 2 ст. 1, ч. 2, 5 и 6 ст. 4 Закона о ЦФА).

Таким образом, несмотря на тесную взаимосвязь сопоставляемых норм ст. 141.1 ГК РФ, позволено утверждать об их **самостоятельной смысловой нагрузке**; представленное в п. 3 решение хотя и релевантно содержащемуся во втором предложении п. 1 предписанию, отнюдь не детерминируется им.

Кроме того, **цифровому обороту разрешительный порядок совершения сделок** (как таковой) **не противопоказан**. Как мы уже отмечали, п. 3 ст. 141.1 ГК РФ не обнуляет предусмотренную нормативным актом или договором обязательность санкционирования другими, нежели обязанный, субъектами действий по распоряжению цифровыми правами; не отменяется, кстати, и режим согласования с обладателем цифрового права перевода долга обязанным по цифровому праву лицом на другое лицо. При этом проверочная деятельность, в принципе, может проводиться и в информационной системе (пусть и своеобразно благодаря автоматизированности процессов¹⁹). Так, Закон об инвестплатформах прямо предусматривает необходимость обеспечения *соблюдения* в том числе *условий обращения* утилитарных цифровых прав, определенных в инвестиционном предложении, притом что *список данных требований не является исчерпывающим* (ч. 4 ст. 11, ч. 2 ст. 13); Закон о ЦФА возлагает на оператора информационной системы обязанность обеспечения невозможности внесения и (или) изменения записей о ЦФА в обход некоторых ограничений и запретов (п. 5 и 6 ч. 1 ст. 6). Тем самым роль оператора информационной системы не сводится к *технической* модерации, от него в серьезной степени, как справедливо поясняет В. Н. Лисица, «зависит *юридическая* судьба возникших в такой системе цифровых прав...» (Lisitsa, 2024, p. 152). Приведенные обстоятельства вновь свидетельствуют об известной условности жесткого противопоставления функционалов лица, осуществляющего учет прав на бездокументарные ценные бумаги, и оператора информационной системы: последний, по здравому заключению Д. С. Четвергова, «выполняет целый ряд функций, присущих различным участникам традиционного рынка ценных бумаг» (Chetvergova, 2025, p. 129).

В свете изложенного правильно разделить мнение А. А. Волоса об **отсутствии** на текущий момент **бесспорных оснований для оценки изучаемой нормы как императивной** (в самом деле, «применяя критерии, изложенные в Постановлении «О свободе договора», можно... доказать, что положения... нельзя считать строго императивными», политико-правовое обоснование противоположного вывода затруднительно (Volos, 2024a, p. 262; Volos, 2024b, pp. 21–22)).

¹⁷ Но регулирование данного аспекта с позиции ясности восприятия вряд ли можно признать удовлетворительным: «смысл оговорки... „без обращения к третьему лицу“, по небеспопулярному замечанию А. В. Семенова, во многом загадочен (Novoselova et al., 2019, p. 45).

¹⁸ «...криптозапись... — справедливо подчеркивает Д. А. Нигматзянова, — не просто передача данных, а *юридически значимое действие*, закрепляющее актив...» (Nigmatzyanova, 2024, p. 97).

¹⁹ Более того, при переходе цифровых объектов по основаниям, предусмотренным законом (наследование, реорганизация юридического лица и пр.), неизбежно *обращение к оператору* информационной системы с представлением необходимых документов, см., например: ЦФА ХАБ. (2023). *Правила информационной системы ООО «Блокчейн Хаб»* (п. 22). Банк России. <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/98365/1460>; Сбербанк. (2025). *Правила информационной системы ПАО «Сбербанк», в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов* (пп. 28–29). ЦФА РФ. <https://xn--80a3bf.xn--p1ai/Pravilapolzovaniyaplatformoj/Sberbank/38>

Для устранения сомнений в этом законодателю следовало проявить большую решительность, установив явно выраженный запрет на отклонение от «циркуляра».

Помня, однако, об определенной востребованности в деловой среде механизмов контроля за обращением цифровых прав (по словам А. С. Генкина, «обычай, уже сформировавшиеся на... рынке, зачастую предполагают установление... эмитентами ограничений на оборот...» (Novoselova et al., 2019, p. 36)²⁰), принимая в расчет содержательный плюрализм цифровых прав (не только денежные, но и натуральные обязательственные требования и т. д.) и разнообразие информационных систем (функционирующих в том числе, но не исключительно, на базе технологии распределенного реестра), а равно имея в виду достаточно деликатное нормирование последствий игнорирования договорного режима согласования с должником цессии (п. 3 и 4 ст. 388 ГК РФ), укажем на *нецелесообразность* придания исследуемому концепту характера константы; **децентрализованная регламентация** (невзирая на снижение мобильности объектов при введении отступлений от концепта), хотя бы в некоторых случаях, **видится** вполне приемлемой.

Примечательно, что законопроект в первоначальной версии совершенно иначе, в сравнении с итоговой редакцией ст. 141.1 ГК РФ, подходил к разрешению разбираемой дилеммы: в нем оговаривалось, что цифровые права могут переходить «на тех же условиях, что и объекты... права на которые они удостоверяют...»; т. е. необходимость санкционирования распоряжительного акта обязанным лицом огульно не пресекалась, напротив, подразумевалось сохранение силы специальных правил об оборотоспособности активов, подтверждаемых цифровыми правами (в логике модели «право на право», не получившей, правда, в итоге законодательного воплощения, по крайней мере последовательного).

В развитие сказанного любопытен **аспект (не)допустимости изменения** изучаемого **законоположения правилами информационной системы**. Например, А. А. Волос отстаивает подход, в русле которого отличное от п. 3 ст. 141.1 ГК РФ положение может быть введено «сторонами отношений *и (или) правилами* информационных систем» (Volos, 2024b, p. 21).

Вообще децентрализованному «делегированному нормотворчеству в киберпространстве» (правда, под серьезным надзором со стороны государства, так как, в частности, утвержденные оператором правила информационной системы должны пройти согласование с Банком России согласно ч. 5 ст. 4 Закона об инвестплатформах, ст. 7 Закона о ЦФА) в настоящее время отводится чрезвычайно важная роль, что позволяет вслед за В. В. Зайцевым уверенно говорить о *сочетании государственной и негосударственной регламентации* как одной из характерных черт механизма гражданско-правового регулирования оборота цифровых активов (Zaytsev, 2025, pp. 99, 101) (более того, такой оборот в некотором смысле, как небесспорно заявляет П. А. Непомнящий, «происходит в меньшей степени по требованиям законодательства и в большей степени по правилам информационных систем» (Nepomnyashchiy, 2024, p. 201)).

Несмотря на сказанное, легитимность локальной регламентации анализируемого аспекта довольно сомнительна. ГК РФ прямо санкционирует упорядочение правилами информационной системы отношений в части:

- а) содержания цифровых прав (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ); ясно, что этот компонент напрямую переход цифрового права не затрагивает;
- б) условий осуществления цифровых прав (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ); между тем понятия «осуществление права» и «распоряжение правом» (включая его передачу) — в логике предписаний

²⁰ Неудивительно, что автора «настораживает априорная возможность отчуждения цифровых прав без согласия эмитента...».

ст. 141.1 ГК РФ — не пересекаются и не подчиняются одно другому, а потому *передача цифрового права буквально не является его осуществлением* (аналогичный подход, кстати, избран законодателем и для бездокументарных ценных бумаг в соответствии с п. 1 ст. 142, п. 3 ст. 149 ГК РФ)²¹. Отсюда апеллирование для обоснования правомерности корректировки правилами информационной системы режима свободной передачи цифрового права к ч. 4 ст. 8 Закона об инвестплатформах (Volos, 2024b, p. 21) (где, как и в ГК РФ, фиксируется механизм определения условий именно осуществления цифрового права, а не распоряжения им) представляется ошибочным;

- в) определения лица, имеющего возможность распоряжаться цифровым правом (приравняемого по умолчанию к обладателю цифрового права); однако данный момент, опять же, не имеет отношения к собственно режиму (не)согласования совершения акта распоряжения цифровым правом.

Таким образом, «содержание права... и условия его осуществления... определяются не традиционными правовыми актами или договорами *в полном объеме*, а правилами конкретной информационной системы», что зримо «подчеркивает зависимость права от технологической среды его существования» (Dakhayeva, 2025, p. 178). Однако **ГК РФ проблематику собственно оснований и условий передачи цифровых прав к предмету локальной регламентации не относит**; не нацеливает на это и специальное законодательство (ч. 2 ст. 4 Закона об инвестплатформах, ч. 3 ст. 5 Закона о ЦФА).

Кроме того, **поднормативное регулирование** по интересующему нас аспекту **должно быть сосредоточено**, как представляется, **преимущественно на технико-процедурных моментах** (имеется в виду технико-процессуальная детерминированность цифровых прав, когда, как верно подчеркивает Н. Ш. Газгиреев, «содержательные аспекты и механизмы исполнения цифровых правомочий устанавливаются техническими протоколами и операционными правилами информационной экосистемы» (Gazgireyev, 2025, p. 84)). Часть 8 ст. 8 Закона об инвестплатформах вменяет оператору инвестиционной платформы в обязанность обеспечение всем ее участникам, прежде всего *технической*, возможности приобретать утилитарные цифровые права при их обращении, знакомиться с их содержанием, осуществлять их, а также распоряжаться ими. При этом правила инвестиционной платформы непременно должны содержать *порядок внесения информации* о возникновении, переходе и прекращении утилитарного цифрового права (ч. 7 ст. 8 Закона об инвестплатформах). Статья 4 Закона о ЦФА также акцентирует внимание на закреплении правилами информационной системы *способов и порядка внесения* соответствующих записей.

Наконец, даже при признании правомерности исследуемой децентрализованной регуляции **речь в конечном счете все равно будет идти об определении условий обращения цифровых прав сторонами** договора инвестирования (пусть с опорой на локальные правила и с их соблюдением)²². Неслучайно в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ говорится об определении содержания и условий осуществления цифровых прав не собственно правилами информационной системы, а *в соответствии с ними* (поэтому заключать, что означенные моменты «будет определять именно информационная система» (Ovchinnikov & Fatkhi, 2019, p. 109), все-таки не совсем

²¹ Правда, в доктрине подобное разграничение нередко подвергается критике: так, А. В. Семёнову импонирует подход, при котором осуществление субъективного права включает в себя распоряжение им (Novoselova et al., 2019, p. 44).

²² Показательно, что А. А. Волос, допускающий изменение представленной в п. 3 ст. 141.1 ГК РФ модели правилами информационной системы, отмечает, что они «есть неотъемлемая часть договорных условий между субъектами, которые совершают сделки по поводу цифрового права» (Volos, 2024b, p. 22).

обоснованно). Солидаризируемся с С. В. Сарбашем в том, что подход, при котором «примат [в регламентации содержания и условий осуществления цифровых прав. — Ю. П.] отдается средству (информационной системе), а не праву», ущербен и ведет к искажению основных цивилистических начал (Novoselova et al., 2019, p. 39)²³. Еще более симптоматичны отдельные указания Закона об инвестплатформах: часть 4 ст. 8 исходит из того, что содержание и условия осуществления утилитарных цифровых прав определяет именно *лицо, привлекающее инвестиции*, хотя и руководствуясь правилами инвестиционной платформы; ч. 4 ст. 11 и ч. 2 ст. 13 предусматривают непреложность обеспечения в инвестиционной платформе соблюдения условий обращения утилитарных цифровых прав, которые определены в *инвестиционном предложении*, а не в правилах информационной платформы (притом что данные условия обязательно содержатся в инвестиционном предложении согласно ч. 2 ст. 13).

Заключение

Адаптация регулирования оборота цифровых прав к сущностной специфике последних выразилась в появлении в ГК РФ нормы о переходе цифрового права на основании сделки без согласия обязанного лица. Данное предписание при его трактовке как строгой максимы препятствует задействованию некоторых предусмотренных нормативными правовыми актами режимов согласования (например, оговоренного в п. 2 ст. 382 ГК РФ) и инициативному установлению разрешительного порядка сторонами. Между тем квалификация пункта 3 ст. 141.1 ГК РФ как императивного спорна (в том числе под углом зрения его соотношения с существом и целями законодательной регламентации); мало того, имеются политико-правовые основания для отказа от восприятия концепта свободного трансфера цифровых прав как универсального и безусловного.

Список литературы / References

1. Agibalova, E. N. (2020). Tsifrovyye prava v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav [Digital rights in the system of civil rights objects]. *Yuridicheskii Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 33(1), 90–99. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-33-1-90-99>
2. Chetvergov, D. S. (2025). Pravovyye problemy posrednicheskoy deyatel'nosti na rynke tsifrovyykh finansovykh aktivov [Legal issues of intermediary activities in the digital assets market]. *Actual Problems of Russian Law*, 20(5), 124–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135>
3. Dakhayeva, Z. I. (2025). Tsifrovyye prava v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav: problemy pravovogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Digital rights in the system of civil rights objects: problems of legal regulation in the Russian Federation]. *Ekonomika i Upravleniye: Problemy, Resheniya*, 12(3 March), 175–181. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.03.12.021>
4. Gazgireyev, N. Sh. (2025). Pravovaya regulyatsiya tsifrovyykh prav v kontekste formirovaniya i razvitiya tsifrovoy sredy [Legal regulation of digital rights in the context of the formation and development of the digital environment]. *Zakon i Vlast'*, 3, 83–87.
5. Kontsevov, A. V. (2020). K voprosu ob elementakh konstruksii kriptovalyutnogo obyazatel'stva i yego differentsiatsii ot denezhnykh, valyutnykh i fondovykh obyazatel'stv [On the issue of the elements of the design

²³ Поэтому значима глубокая теоретическая проработка вопроса о *пределах* рассматриваемого локального регулирования, тем более что контент правил информационных систем определяется законодателем неисчерпывающим образом (см., например, ч. 3 ст. 4 Закона об инвестплатформах).

- of a cryptocurrency obligation and its differentiation from monetary, currency and stock obligations]. *Yurist*, 7, 13–17. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-7-13-17>
6. Lisitsa, V. N. (2024). Tsifrovyye prava kak grazhdanskiye prava, deystvuyushchiye v informatsionnoy sisteme [Digital rights as civil rights operating in the information system]. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn'*, 3, 149–154. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2024-3-149-154>
 7. Markina, M. V. (2022). Tsifrovyye prava, prinadlezhashchiye yuridicheskim litsam, kak oborotosposobnyy ob'yekt grazhdanskikh prav [Digital rights owned by legal entities as a negotiable object of civil rights]. *Yurist*, 11, 36–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-11-36-40>
 8. Mograbyan, A. S. (2022). Tsifrovyye prava kak ob'yekty grazhdanskikh prav v Rossii [Digital rights as objects of civil rights in Russia]. *Actual Problems of Russian Law*, 17(10), 141–147. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147>
 9. Muratova, S. A., & Druzhinin, I. D. (2023). Otdel'nyye problemy pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh prav [Certain problems of legal regulation of digital rights]. *Tsivilist*, 6, 31–37.
 10. Nepomnyashchiy, P. A. (2024). Ponyatiye, sushchnost' i znachenkiye tsifrovyykh prav kak ob'yektov nasledstvennykh pravootnosheniy [Concept, essence and significance of digital rights as objects of inheritance legal relations]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 11(123), 199–207. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.123.11.199-207>
 11. Nigmatzyanova, D. A. (2024). Problemy pravovogo regulirovaniya ucheta tsifrovyykh finansovykh aktivov v Rossii [Legal issues in the regulation of accounting for digital financial assets in Russia]. *Digital Law Journal*, 5(3), 95–108. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3-95-108>
 12. Novoselova, L., Gabov, A., Savel'yev, A., Genkin, A., Sarbash, S., Asoskov, A., Semenov, A., Yankovskiy, R., Zhuravlev, A., Tolkachev, A., Kamel'kova, A., Uspenskiy, M., Krupenin, R., Kislyy, V., Zhuzhzhaylov, P., Popov, V., & Agranovskaya, M. (2019). Tsifrovyye prava kak novyy ob'yekt grazhdanskogo prava [Digital rights as a new object of civil law]. *Zakon*, 5, 31–54.
 13. Odintsov, S. V., & Mironov, E. Yu. (2020). Tsifrovizatsiya imushchestvennogo oborota: doktrinal'nyye traktovki i zakonodatel'naya praktika [Digitalization of property turnover: doctrinal interpretations and legislative practice]. *Sovremennoye Pravo*, 11, 97–104. <https://doi.org/10.25799/NI.2020.56.25.010>
 14. Ovchinnikov, A. I., & Fatkhi, V. I. (2019). Tsifrovyye prava kak ob'yekty grazhdanskikh prav [Digital rights as objects of civil rights]. *Filosofiya Prava*, 3(90), 104–112.
 15. Perepyolkina, N. V., & Perepyolkin, P. E. (2025). K voprosu o yuridicheskoy sushchnosti tsifrovyykh prav [On the legal essence of digital rights]. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya*, 25(3), 112–120.
 16. Polezhayev, O. A. (2023). NFT-aktivy v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii otnosheniy [NFT-assets in the system of civil rights objects: problems of legal qualification of relations]. *Zakon*, 9, 68–75. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-68-75>
 17. Sarayeva, O. N. (2025). Tsifrovyye finansovyye aktivy v kontekste ikh rasprostraneniya i razvitiya v Rossiyskoy Federatsii [Digital financial assets in the context of their distribution and development in the Russian Federation]. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 3, 642–646. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_642
 18. Shengeliya, I. (2024). TSA v strukture derivativa: mekhanika i yuridicheskiye riski [DFA in the derivative structure: mechanics and legal risks]. *Bankovskoye Obozreniye. Prilozheniye «FinLegal»*, 2, 75–79.
 19. Shipikova, A. G. (2024). Podkhody k opredeleniyu tsifrovogo ob'yekta i tsifrovogo aktiva [Approaches to defining a digital object and a digital asset]. *Digital Law Journal*, 5(2), 53–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1>
 20. Vasilevskaya, L. Yu. (2020). Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii [Digitalization of civil turnover: Problems and trends]. *Rossiyskiy Yuridicheskiy Zhurnal*, 6, 105–117. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-105-117>

21. Vavilin, E. V. (2024). Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav v usloviyakh tsifrovoy transformatsii otnosheniy [Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pravo*, 53, 110–121. <https://doi.org/10.17223/22253513/53/8>
22. Volos, A. A. (2024a). Svoboda dogovora i yeye predely v tsifrovoy srede [Freedom of contract and its limits in the digital environment]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskiye Nauki*, 2(64), 254–273. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-64-254-273>
23. Volos, A. A. (2024b). Tsifrovyye prava: nekotoryye problemy tolkovaniya pravil stat'i 141.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Digital rights: Some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Bankovskoye Pravo*, 3, 16–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23>
24. Zakirov, R. Yu., & Shavaliyeva, D. R. (2021). Tsifrovyye prava kak ob'yekt grazhdanskikh prav [Digital rights as an object of civil rights]. *Regulirovaniye pravootnosheniy v usloviyakh tsifrovizatsii v period pandemii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: sb. statey. Kazan', Otechestvo*, 33–37.
25. Zaytsev, V. V. (2025). Mekhanizm pravovogo regulirovaniya oborota tsifrovyykh aktivov [The mechanism of legal regulation of the turnover of digital assets]. *Vlast' Zakona*, 1(61), 89–103.
26. Zhanabilova, A. B. (2023). Pravovoye regulirovaniye oborota tsifrovyykh aktivov i vozmozhnost' ikh nasledovaniya v Kazakhstane i Rossii [Legal regulation of the circulation of digital assets and the possibility of their inheritance in Kazakhstan and Russia]. *Notarius*, 4, 39–42. <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2023-4-39-42>

Сведения об авторе:

Поваров Ю. С. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия.

povus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4728-5301>

Information about the author:

Iurii S. Povarov — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

povus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4728-5301>